

Сказка. Иоганн Вольфганг Гёте

У перевоза через широкую реку, что вздулась после недавнего ливня и вышла из берегов, спал в своей лачуге перевозчик, притомившийся за день от тяжелой работы. Среди ночи его разбудили громкие голоса; он понял, что это путники, которым надо на тот берег.

Он вышел из хижины и увидел, как над стоящей на привязи лодкой реют два больших блуждающих огня. По их словам, они очень спешили переправиться на тот берег. Не мешкая, спустил старик лодку на воду и со свойственным ему умением стал грести наперерез течению, а его пассажиры меж тем шушукались и шептались на неведомом ему языке, то и дело громко чему-то смеясь и весело прыгая туда и сюда: с бортов лодки на скамью, со скамьи на дно и снова на борт.

— Эй вы, непоседы! — крикнул старик. — Лодку качает, если вы не уйметесь, она, того и гляди, перевернется. Сидите смирно!

В ответ на эти слова они расхохотались, высмеяли старика и запрыгали пуще прежнего. Первозчик не рассердился на озорников и немного погодя причалил к берегу.

— Вот вам за труды! — крикнули его пассажиры и принялись прыгать и отряхиваться, и тут в сырую лодку посыпались золотые монеты.

— Ради всего святого, что вы делаете! — крикнул старик. — Погубить меня хотите? Река не терпит этого металла. Упади хоть один золотой в воду, она разбухнет, подымутся огромные волны и погубят меня вместе с лодкой. Неизвестно, как бы туго тогда вам пришлось; забирайте скорей обратно свое золото.

— Мы не можем забрать обратно то, что вытряхнули, — возразили они.

— Так, выходит, мне из-за вас еще и трудиться придется: собрать все червонцы, отвезти на берег и зарыть, — сказал перевозчик и тут же нагнулся и стал подбирать в шапку червонцы.

Блуждающие огни выпрыгнули из лодки.

— А плата за переезд где? — крикнул старик.

— Кому золото не нужно, пусть работает даром! — крикнули в ответ блуждающие огни.

— Вы должны знать, что за переезд мне платят только плодами земли.

— Плодами земли? Да мы их презираем, даже не отведали ни разу!

— И все же я не могу отпустить вас, пока вы не пообещаете дать мне три кочана капусты, три артишока и три крупные луковицы.

Блуждающие огни хотели уже отшутиться и улизнуть, да не тут-то было, они почувствовали, как непонятно почему вдруг словно приросли к земле. Такого неприятного ощущения они никогда еще не испытывали. Вот они и пообещали в ближайшие же дни выполнить его требование; он отпустил их и оттолкнулся от берега.

Лодка была уже далеко, когда огни крикнули ему вдогонку:

— Старик, эй, старик! Послушайте! Мы забыли самое главное!

Старик уехал и не услышал их зова. Он плыл вдоль берега вниз по течению, к недоступным для волн горным склонам, где надумал отделаться от опасного золота. Там среди высоких скал он нашел глубокую расселину, сбросил в нее червонцы и поплыл к своей лачуге.

В этой расселине жила красивая зеленая змея; проснувшись от звука падающих монет и увидя светящиеся кружочки, она тут же с жадностью накинулась на них и проглотила, а затем, внимательно осмотрев все кусты, все трещины в скалах, отыскала и те золотые монеты, что попали туда.

Не успела она их проглотить, как с великой приятностью почувствовала, что они тают у нее внутри и растекаются по всему телу, и, к вящей своей радости, заметила, что сама стала прозрачной и вся светится. Давно уже уверяли ее, будто подобное явление возможно, однако она сомневалась, сколь продолжительным может быть такое свечение, и посему, побуждаемая любопытством и желанием получить уверенность на будущее время, вылезла из расселины, дабы выяснить, кто выбросил в пропасть такое чудесное золото. Она не нашла никого; но как же приятно было ей, проползая среди трав и кустов, любоваться на себя и на тот прелестный свет, который она озаряла молодую зелень. Листья казались смарагдами, а цветы дивно светились. Напрасно исползала она дикие скалы, так никого и не найдя; как же зато вспыхнула в ней надежда, когда, взобравшись наверх и оглядевшись, она завидела вдали какое-то сверкание, похожее на тот свет, что излучала сама. «Неужели я наконец обрела себе подобных!» — воскликнула она и поспешила туда. Невзирая на трудности, переползала она через болота, пробиралась сквозь заросли тростника, ведь хотя всего отрадней была ей привычная жизнь на сухих горных лугах или в расселинах высоких скал, хотя всего охотнее лакомилась она душистыми травами, утоляла жажду вкусной росой и прохладной родниковой водой, все же ради милого ее сердцу золота, ради надежды сохранить навсегда обретенное ею великолепное сияние она согласна была на все, что бы от нее ни потребовалось.

Изнемогая от усталости, добралась она наконец до сырой низины, поросшей осокой, где весело плясали уже знакомые нам блуждающие огоньки. Она устремила к ним, поздоровалась и выразила свою радость от встречи со столь приятными господами, да к тому же еще ее родичами. Оба огонька, носясь, чуть касались змеи, перепрыгивали через нее и, как обычно, смеялись.

— Любезная сестрица, — сказали они, — пусть вы и принадлежите к линии горизонтальной, это значения не имеет. Мы, правда, родня, но

только по мерцанию, вот поглядите (тут оба огня в ущерб полное погнались за высотой и принялись что было сил вытягиваться и вытягивались до тех пор, пока не стали длинными-предлинными и даже заострились), видите, как нам, представителям вертикальной линии, к лицу стройность и высокий роет. Не в обиду вам, голубушка, будь сказано, какая другая фамилия может похвалиться тем же? С той поры как мы, блуждающие огни, существуем, ни одна из нас ни разу не присел и не прилег.

Присутствие этих родственников змею очень смущало: как она ни старалась поднять голову повыше, она все же чувствовала, что вынуждена будет пригнать ее к земле, иначе ей не сдвинуться с места, и если до того в темных зарослях она себе чрезвычайно нравилась, то здесь, в присутствии этих родичей, ее блеск, казалось, с каждой минутой тускнел; ее даже брал страх, как бы в конце концов он совсем не угас.

Дабы выйти из такого затруднительного положения, она поспешила спросить, не могут ли господа огоньки сообщить ей, откуда взялись те блестящие золотые монеты, что давеча посыпались в расселину между скалами; она полагает, не иначе как золотой дождь накапал их прямо с неба. Блуждающие огни рассмеялись, встряхнулись, и вокруг них запрыгала уйма червонцев. Змея тут же кинулась их глотать.

— Кушайте на здоровье, сестрица! — сказали учтивые кавалеры. — Мы можем вас и еще угостить.

Они опять и опять проворно встряхнулись, и змея едва попевала глотать драгоценное яство. Она светлела на глазах и теперь излучала действительно великолепное сияние, а блуждающие огоньки похудели и стали ниже ростом, однако ей на йоту не утратили веселости.

— Я навек вам обязана, — сказала змея, переводя дух после обильной трапезы. — Требуйте, чего только пожелаете, — что в моих силах, все выполню.

— Вот и прекрасно! — воскликнули блуждающие огни. — Скажи, где живет прекрасная Лилия? Проведи нас как можно скорее во дворец и сад прекрасной Лилии. Мы горим нетерпением преклониться перед ней.

— Оказать вам эту услугу сейчас я не могу. К сожалению, прекрасная Лилия живет на том берегу.

— На том берегу? А мы-то в эту бурную ночь переправились через реку! Как жестока река, что нас разлучает. Нельзя ли снова вызвать старика?

— Ничего не выйдет! — возразила змея. — Даже если бы он сам был тут, у этого берега, он не посадил бы вас к себе в лодку. Он кого угодно перевозит на эту сторону, но никого на ту.

— Да, плохи наши дела! А иным путем переправиться нельзя?

— Можно, и не одним, но только не сейчас, я сама могу переправить вас, господа, но только в полдень.

— В эту пору дня мы неохотно пускаемся в путь.

— Тогда можно переправиться вечером по тени великана.

— А как это сделать?

— Тело великана, что живет неподалеку отсюда, никак не слушается: рукам его и соломинки не поднять, плечам и вязанки хвороста не снести. Зато его тени, можно сказать, все под силу. Вот потому-то на заре и закате в нем всего более мощи; вечером достаточно сесть на тень от его затылка, великан потихоньку пойдет к берегу, и тень перенесет путника через реку. А если вы соизволите в полуденную пору прийти вон туда, к тому краю леса, где кусты доходят до самой реки, так я и сама вас переправлю и представлю прекрасной Лилии. А ежели полуденный зной вас пугает, то отыщите вон в той бухте меж скал великана, и он охотно окажет вам эту любезность.

Молодые люди откланялись и ушли, а змея была рада, что рассталась с ними, как потому, что хотела насладиться собственным светом, так и потому, что хотела удовлетворить уже давно донимавшее ее любопытство.

Ползая в скалистых ущельях, она сделала поразительное открытие. Хотя по этим теснинам приходилось ей ползать впотьмах, она все же умела осязанием распознавать предметы. Обычно она повсюду встречала естественные произведения природы, не подчиненные строгим правилам обработки: она то скользила между зубцами крупных кристаллов, то осязала зазубрины и волокна серебряных самородков и выносила на свет какой-нибудь самоцветный камешек. И вот, к великому своему удивлению, в не доступной ниоткуда скале она ощутила предметы, говорящие, что они созданы руками человека: гладкие стены, по которым она не могла вползти наверх, ровно обточенные края, правильной формы колонны, но что поразило ее больше всего, — так это человеческие фигуры, которые, обвинившись несколько раз вокруг них, она сочла не то за медные, не то за хорошо отполированные мраморные. Теперь ей хотелось проверить зрением то, что до сей поры она лишь осязала, и убедиться в том, что доселе оставалось лишь догадкой. Она думала теперь собственным своим сиянием осветить удивительные подземные своды и надеялась тогда сразу ознакомиться с этими странными предметами. Она поспешила обратно уже известной дорогой и вскоре нашла щель в скале, по которой обычно пробиралась в святилище.

Доползши туда, она огляделась, утоляя свое любопытство; правда, излучаемое ею сияние не осветило все сводчатое подземелье, но ближние предметы выступили достаточно явственно. С чувством благоговения подняла она изумленный взор на сверкающую нишу, где помещалась отлитая из чистого золота статуя короля, внушающего уважение своей осанкой. Статуя была значительно выше человеческого роста, но, судя по облику, король был человеком скорее невысоким, чем рослым. Простой плащ ниспадал с его статного тела, венок из дубовых листьев придерживал волосы.

Не успела змея наглядеться на внушающую уважение статую, как король заговорил:

— Откуда ты? — спросил он.

— Из расселин, где родина золота, — ответила змея.

— Что великолепнее блеска золота? — спросил король.

— Сияние света, — ответила змея.

— Что живительнее света? — спросил он.

— Беседа, — ответила она.

Так разговаривая, змея покосилась в сторону и в ближней нише тоже увидела великолепную статую. Там сидел серебряный король, высокий и тонкий станом. Его облакало роскошное одеяние, корону, пояс и скипетр украшали самоцветные камни. Лицо его выражало радость, казалось, он вот-вот заговорит, но тут темная жила в мраморной стене вдруг засветилась и озарила весь храм мягким сиянием. При этом свете змея увидела третью статую: в нише, опираясь на булаву, восседал могучий медный король, увенчанный лавровым венком и походивший скорее на скалу, чем на человека. Змея захотела оглянуться на четвертого, что стоял в самой дальней нише, но тут светящаяся жила в мраморной стене сверкнула молнией и исчезла, а стена разверзлась.

Из стены вышел человек среднего роста, который привлек к себе внимание змеи. Он был в крестьянском платье, в руке держал лампаду, спокойный огонек которой был приятен для глаз и своим чудесным светом, не отбрасывая ни малейшей тени, озарял все своды.

— Зачем ты пришел, раз у нас уже есть свет? — спросил золотой король.

— Вам ведомо, что мне не позволено освещать тьму.

— Наступит ли конец моему царству? — спросил серебряный король.

— Не скоро или никогда, — ответил старик.

Теперь зычным голосом начал задавать вопросы третий король:

— Когда встану я?

— Скоро, — ответил старик.

— С кем должно мне объединиться? — спросил король.

— С твоими старшими братьями, — сказал старик.

— Что станет с младшим? — спросил король.

— Он сядет, — сказал старик.

— Я не устал, — хриплым, прерывистым голосом крикнул, четвертый король.

А змея, пока шел этот разговор, неслышно ползала по храму, она все осмотрела и теперь разглядывала вблизи четвертого короля. Он стоял, прислонясь к колонне, и его внушительная фигура изумляла скорее своей тяжеловесностью, нежели красотой. А вот понять, из какого металла он отлит, было весьма трудно. Вглядевшись внимательнее, можно было различить, что это сплав тех трех металлов, из которых были отлиты его братья. Но при отливке металлы, должно быть, плохо сплывались, золотые и серебряные жилки беспорядочно прорезали медную поверхность, придавая статуе непривлекательный вид.

Меж тем золотой король спросил старика:

— Сколько тайн ты познал?

— Три, — ответил старик.

— Которая важнее всех? — спросил серебряный король.

— Раскрытая, — ответил старик.

— Ты раскроешь их нам? — спросил медный король.

— Когда узнаю четвертую, — сказал старик.

— Какое мне до этого дело? — пробормотал себе под нос король, сплавленный из разных металлов.

— Я знаю четвертую, — сказала змея, подползла к старику и прошипела ему что-то на ухо.

— Урочный час близок! — громким голосом возвестил старик.

Своды храма отозвались гулом, статуи — звоном металла, и в то же мгновение старик и змея погрузились в землю, и оба быстро пронеслись по расселинам скал, он — на запад, она — на восток.

Все пути, которыми шел старик, тут же наполнялись золотом, ибо его лампада обладала чудесным даром превращать все камни в золото,

все дерево в серебро, мертвые зверей в самоцветные камни, а уничтожит все остальные металлы. Но этот дар проявлялся, когда светила только она, если около был другой свет, от нее просто исходило чудесное яркое сияние, отрада всего живущего.

Старик вошел в свою хижину, приютившуюся под скалой; у очага сидела его жена, она лила горькие слезы и никак не могла успокоиться.

— Ах, я несчастная! — воскликнула она. — Не зря не хотелось мне отпускать тебя сегодня из дому!

— Что случилось? — спокойно спросил старик.

— Только это ты ушел, — сказала она, рыдая, — как в дверь постучались два буяна; по своей неосторожности впустила их, с виду это были люди учтивые, обходительные, их можно было принять за блуждающие огни, ведь их одевали легкие язычки пламени. Не успели они войти, как стали подлаживаться ко мне со всякими бесстыдными любезностями, да так назойливо, что мне и вспомнить-то стыдно.

— Ну, молодые кавалеры, верно, шутили, — возразил, улыбаясь, муж, — в твои-то преклонные лета хватило бы с тебя и простой вежливости.

— Преклонные лета, преклонные лета! Надоело мне вечно слышать о моих преклонных летах! — раскричалась жена. — Подумаешь, какие лета! Тоже сказал, простая вежливость! Да ты осмотришь, погляди на стены, погляди на старые камни, я их уже сто лет не видела! Они с них все золото слизали, да с таким проворством, что и поверить трудно, а потом говорили, будто оно куда вкусней обычного золота. А вылизав стены дочиста, они, видно, повеселели и, надо правду сказать, выросли, пополнели и заблестели ярче прежнего. И снова начали озорничать, гладили меня, называли своей королевой, а потом как встряхнутся, и тут же по полу запрыгали золотые монеты, — вон, погляди, как они блестят под скамьей. Но какое горе! Наш мопс проглотил несколько червонцев и лежит теперь у очага, умер, бедняга! Никак успокоиться не могу. Увидела я, что он мертв, уж когда они ушли, а то ни за что не пообещала бы отнести перевозчику то, что они ему задолжали.

— А что они ему задолжали? — спросил старик.

— Три кочна капусты, три артишока и три луковки, — сказала жена. — Я обещала, как рассветет, отнести их на реку.

— Окажи им эту любезность, — сказал старик, — при случае они заплатят нам услугой за услугу.

— То ли заплатят, то ли нет, этого я не знаю, но обещать обещали и торжественно меня в том заверили.

Меж тем дрова в очаге догорели; старик засыпал уголья толстым слоем золы, убрал к сторонке блестящие золотые монеты, и тогда лампада его снова засветилась и дивно засияла, стены покрылись золотом, а мопс превратился в чудеснейший оникс, и переливы коричневого с черным, присущие этому драгоценному камню, сделали его подлинным произведением искусства.

— Возьми корзинку и поставь в нее оникс, — сказал старик, — а затем возьми три кочна капусты, три артишока и три луковки, положи их вокруг оникса и отнеси корзинку на реку. А в полдень переправишься по змее на тот берег и пойдешь к красавице Лигии. Отнеси к ней оникс. От ее прикосновения он оживет, как умирает от ее прикосновения все живое. Мопс будет ей верным другом. Скажи ей, пусть не печалится: время ее освобождения близко, пусть воспримет величайшее несчастье, как величайшее счастье, ибо урочный час пробил.

Старуха уложила в корзинку все, что надо, и, как рассвело, отправилась в дорогу. Лучи восходящего солнца освещали блестящую вдали реку. Старуха шла медленно, корзина давила ей на голову, но причиной тому был не оникс. Она никогда не ощущала тяжести от неживой ноши, — корзина с такой поклажей подымалась ввысь и реяла у нее над головой, а вот свежие овощи или живая зверушка были для нее непосильным бременем. Так и шла она, недовольная и угрюмая, и вдруг в испуге остановилась: еще немного, и она наступила бы на тень великана, протянувшуюся через всю долину до самых ее ног. Тут только увидела она могучего исполина, который, искупавшись в реке, вылезал из воды, и теперь не знала, как уйти от него незамеченной. Увидав ее, он стал отвешивать ей шуточные поклоны, а тем временем руки его тени залезли к ней в корзину, проворно и ловко ухватили кочан капусты, артишок и луковку и положили их великану в рот, и он тут же зашагал вверх по течению и освободил женщине дорогу.

Она было подумала, не вернуться ли ей домой и не восполнить ли утрату овощами из своего огорода, но, так ничего и не решив, продолжала свой путь и вскоре пришла на берег. Долго сидела она, поджидая перевозчика, и наконец-то увидела, что он причаливает к берегу со странным пассажиром. Из лодки вышел юноша, столь красивой и благородной стати, что она не могла в досталь на него наглядеться.

— Что вы принесли? — крикнул перевозчик.

— Овощи, что задолжали вам блуждающие огоньки, — ответила она и показала ему свой товар.

Увидя всего по две штуки каждой овощи, старик рассердился и стал уверять, будто взять их в уплату не может. Женщина принялась его упрашивать, сказала, что ей не под силу вернуться домой, что на предстоящей обратной дороге ей не снести такого груза. Он упорно стоял на своем и уверял, будто отказывается не по собственной воле.

— То, что причитается мне, должно пролежать у меня девять часов, а мне не разрешено ничего принимать, пока я не отдам треть реке.

После долгих пререканий старик наконец сказал:

— Есть, правда, выход: я согласен взять шесть овощей, — а вы признайте себя должницей реки и поручитесь отдать ей долг, но тут есть для вас некоторая опасность.

— А если я сдержу слово, мне уже не грозит никакая опасность?

— Ни малейшая. Окуните руку в воду и обещайте в течение суток отдать долг.

Старуха так и сделала, но как же она испугалась, вытащив из воды черную, как уголь, руку! С бранью накинулась она на перевозчика, клялась, что руки были лучшим ее украшением, что она всегда их холила и, несмотря на тяжелую работу, сохранила белыми и красивыми. С великим огорчением разглядывала она руку и вдруг в полном отчаянии воскликнула:

— Да что же это за напасть! Рука-то гораздо меньше другой, того и гляди, совсем пропадет.

— Сейчас это только так кажется, — успокоил ее перевозчик, — а вот ежели вы не сдержите слова, рука и впрямь может исчезнуть, будет все уменьшаться да уменьшаться и в конце концов совсем исчезнет, но пользоваться ею вы все равно сможете, рука останется пригодной для всякой работы, но только ее никому не будет видно.

— Уж лучше бы она осталась ни на что не пригодной, да только бы никто этого не видел, — сказала старуха. — А впрочем, чего бояться, я сдержу слово, и тогда прощай и забота, черная кожа.

Сказав так, она быстро взяла корзину, и та сама поднялась над ее головой и теперь свободно парила в воздухе, а старуха поспешила вслед за юношей, который в задумчивости брел по берегу.

И прекрасным обликом своим, и необычным одеянием поразил он старуху. Грудь его прикрывал блестящий панцирь, под которым угадывались все движения его стройного тела. С плеч ниспадала пурпурная мантия, каштановые кудри окаймляли чело, голова была непокрыта, и солнечные лучи освещали его чистое лицо и обнаженные стройные ноги. Он равнодушно ступал босыми ногами по горячему песку, казалось, все внешние ощущения притупляла глубокая скорбь.

Болтливой старухе не терпелось завязать с ним разговор, но он отделялся короткими малозначащими фразами, наконец ей надоело его понапрасну расспрашивать, и при всем ее восхищении красотой его глаз она все же решила с ним распрощаться.

— Уж очень медленно, государь мой, вы идете, — сказала она, — мне недосуг, нельзя пропустить время, когда можно перейти на тот берег по зеленой змее, ведь я несу красавице Лилии чудесный подарок, что посылает ей мой муж.

Сказав так, она торопливо зашагала вперед, однако так же быстро приободрился и красивый юноша и поспешил за ней следом.

— Вы идете к прекрасной Лилии! — воскликнул он. — Значит, нам по пути. Что за подарок вы ей несете?

— Государь мой, да где же справедливость? — возразила старуха. — Столь скупко отвечая на мои вопросы, вы теперь выпрашиваете меня о моих секретах. Ежели вы согласны на обмен и поведаете мне, кто вы и откуда, то и я не скрою от вас, кто я и что за подарок несу.

Так они и договорились; старуха рассказала, кто она, рассказала, что случилось с собакой, и позволила ему поглядеть на чудесный подарок.

Он тут же вынул из корзины и взял на руки это природой созданное произведение искусства, и казалось, мопс сладко дремлет в его объятиях.

— Счастливец! — воскликнул юноша. — Ее руки коснутся тебя, и ты оживешь, а живые бегут ее, дабы не постигла их печальная участь. Но что я, разве эта участь печальна! Разве не горестнее, не мучительнее утратить все силы при виде ее? Нет, лучше уж умереть от ее руки! Взгляни на меня! — сказал он старухе. — Я еще молод, но сколь бедственна моя участь! Судьбе было угодно оставить мне панцирь, который я с честью носил в бою, пурпур, который я старался заслужить мудрым правлением, но теперь панцирь для меня излишнее бремя, а пурпур — ненужное украшение. Короны, скипетра и меча уже нет; я так же наг и нищ, как простой смертный, ибо так пагубен взгляд дивных ее голубых очей, он отнимает все силы, и те, кого не коснулась ее рука, приносящая смерть всему живому, чувствуют, что они заживо превратились в тени, блуждающие по земле.

Так печаловался он на судьбу, нисколько не удовлетворяя тем любопытство старухи; ей не терпелось выведать не внутренние его переживания, а внешние обстоятельства его жизни; она не узнала ни имени его отца, ни названия его королевства. Юноша, словно живого, прижимал к сердцу каменного мопса, согретого теплом его тела и жарким солнцем, и расспрашивал о ее муже и о силе присущего его лампаде священного света; казалось, он ожидал, что в будущем этот свет благотворно воздействует на его горькую участь.

Так за разговорами продолжали они свой путь и вдруг увидели вдали величественный мост, который дугой перекинулся от берега к берегу и чудесно сверкал на солнце. Оба были изумлены, никогда еще не являл этот мост их взорам столь неожиданного великолепия.

— Что за чудо! — воскликнул принц. — Ведь и раньше он представал перед нами во всей своей красе, словно сооруженный из яшмы и кварца! Не страшно ли ступить на него, можно подумать, будто он сложен из смарагдов, хризолитов и хризопразов, искусно подобранных умелой рукой.

Ни старуха, ни принц не знали о перемене, что преобразила змею, — ведь этим мостом была змея, которая каждый полдень смелой аркой перекидывалась через реку. Наши путники вступили на мост и в благоговейном молчании перешли на тот берег. И мост тут же заколыхался, задвигался, вскоре коснулся воды, и зеленая змея в присущем ей обличье поползла по земле вслед за ними. Только-только успели они поблагодарить ее за дозволение перебраться на ту сторону по ее спине, как обнаружили, что их не трое, а больше, хотя остальных спутников и не было видно, просто они слышали около себя какое-то шипение, на которое змея отвечала тоже шипением. Они напрягли слух и в конце концов разобрали, о чем идет речь.

— Сперва мы инкогнито осмотримся в парке прекрасной Лилии, — шипели какие-то голоса, — а когда стемнеет и мы приобретем мало-мальски презентабельный вид, просим представить нас несравненной красавице. Мы будем вас ждать на берегу большого озера.

— Будь по-вашему, — ответила змея, и в воздухе постепенно замерло удаляющееся шипение.

Теперь наши путники условились о порядке, в котором им надлежало предстать перед красавицей, — ведь хотя находиться в ее присутствии было дозволено одновременно многим, но, дабы не навлечь на себя невыносимых страданий, приходиться и уходить полагалось порознь.

Старуха с корзиной, в которой лежала собака, превращенная в камень, первая подошла к саду и без труда нашла свою покровительницу: та как раз пела, аккомпанируя себе на арфе. Дивные звуки сперва всколыхнули спокойную гладь озера, и по ней пошли круги, затем легким дуновением коснулись травы и кустов. На уединенной зеленой лужайке под сенью различных роскошно разросшихся деревьев сидела прекрасная Лилия и уже с первого мгновения вновь очаровала зрение, слух и сердце восхищенной старухи, готовой поклониться, что за это время красавица Лилия еще похорошела. Уже издали громко приветствовала она эту красавицу из красавиц и расточала ей похвалы.

— Какое счастье смотреть на вас! Каким райским блаженством озаряете вы все вокруг! Как сладостно арфе покоиться у вас на коленях, как ласково обнимают ее ваши руки, как хочется ей прильнуть к вам на грудь, как нежно звучат ее струны, когда их касаются ваши тонкие пальчики! Трижды счастлив тот юноша, кому даровано будет занять ее место!

С такими речами подошла она ближе; красавица Лилия подняла на нее взор и сказала, уронив руки:

— Не огорчай меня похвалой не ко времени! Не увеличивай моей скорби. Видишь, здесь, у моих ног, лежит мертвой бедняжка канарейка, что обычно так сладостно вторила моему пению. Заботясь о ней, я приучила ее сидеть на арфе и не касаться меня; сегодня, восстав ото сна, я запела тихую утреннюю песнь, а моя певунья особенно весело принялась выводить мелодичные трели, и вдруг над моей головой закружил ястреб; бедная испуганная пичужка спряталась у меня на груди, и в тот же миг я почувствовала ее предсмертные содрогания. Правда, хищник, сраженный моим взглядом, беспомощно ковыляет теперь там, у воды, но разве утешит меня его наказание? Моя любимица умерла, и к грустным могильным кустам у меня в саду прибавится еще один.

— Не печалуйтесь, прекрасная Лилия! — воскликнула старуха, вытирая слезу, вызванную этим горестным рассказом. — Возьмите себя в руки! Мой старик велел вам сказать: не давайте волю скорби, не забывайте, что величайшее несчастье — предвестье величайшего счастья, ибо урочный час близок. И вправду, чего только не творится на белом свете. Вот взгляните на мою руку, как она почернела! Да еще маленькая какая стала, — мне надо спешить, не то как бы она совсем не пропала. И надо же было мне оказывать любезность блуждающим огонькам! Надо же было повстречать великана! Надо же было окунуть руку в воду! Может, вы дадите мне кочан капусты, артишок и луковицу? Я отнесу их реке, и тогда моя рука опять станет белой, почти как у вас.

— Капуста и лук, пожалуй, найдутся, а вот артишоки искать здесь нечего. В моем большом саду много разных растений, но ни одно не цветет и не приносит плодов, зато, если я отломлю побег и посажу его на могилу кого-нибудь из моих любимцев, он тут же зазеленеет и пойдет в рост. К сожалению, все эти купы деревьев, все кусты, все рощи выросли у меня на глазах. Все роскошные кроны пиний, стройные обелиски кипарисов, исполинские дубы и буки — только печальные надгробные памятники, молодыми побегами посаженные в бесплодную почву моими руками.

Старуха не очень-то вникала в эти речи, — она глядела на свою руку, которая рядом с белоснежными руками прекрасной Лилии, казалось, с каждой минутой все больше чернела и уменьшалась. Старуха уже хотела взять свою корзинку и поспешить в обратный путь, но, вспомнив, что забыла самое важное, вынула из корзины собаку, превращенную в холодный камень, и поставила в траву у ног красавицы Лилии.

— Мой муж посылает вам это на память, — сказала старуха. — Вы знаете, достаточно вашего прикосновения и этот драгоценный камень оживет. Мой милый мопс, конечно, будет радовать вас, а я не буду скучать по нем, — ведь я буду знать, что он принадлежит вам.

При виде милого мопса на лице прекрасной Лилии выражались и радость, и как будто даже удивление.

— Много предзнаменований совпало по времени, и это рождает во мне некоторую надежду. Но увы! Что, если это просто свойственный нашей натуре самообман, что, если, когда нас преследуют несчастья, мы просто тешим себя надеждой на близкое счастье?

Что знаменья! К добру ли птахи гибель?

К добру ль подруги черная рука?

А мопсик ониковый, мой дружок? Он прибыл

Лампады вестником — но помощь далека...

Иль жизнь прожить мне счастьем непричастной,

Всем даренному? Свыкнуться с тоской?

Зачем не вышел храм на берег праздный?

Зачем же мост не вырос над рекой?[1]

Песнь, что пела прекрасная Лилия, сопровождая ее мелодичными звуками арфы, любого привела бы в восторг, а старуха слушала ее рассеянно, — ей уже не терпелось уйти, но тут ее задержало появление зеленой змеи. Та слышала последние строки песни и сразу стала убеждать Лилию не падать духом.

— Предсказание о мосте сбылось! — воскликнула она. — Спросите старуху, какой великолепной аркой перекинулся он через реку. То, что до сего дня было непрозрачными яшмой и кварцем, тускло мерцавшими разве что по краям, превратилось в прозрачно сияющие самоцветные камни, не сыскать другого берилла, столь чистой воды, не сыскать другого смарагда столь яркой окраски.

— Что ж, в добрый час, — сказала Лилия, — но, простите меня, я не верю, что предсказание уже сбылось. По высокой арке вашего моста могут перейти на ту сторону только пешеходы, а нам обещано, что по мосту одновременно будут переправляться на ту и другую сторону лошади, экипажу и самые разные путники. Разве не было предсказано, что со дна реки для поддержки моста подымутся крепкие устои?

Старуха все время не спускала глаз со своей руки, теперь сна прервала разговор и попрощалась.

— Подождите минутку, — сказала прекрасная Лилия, — захватите с собой мою канареечку! Попросите лампаду превратить ее в красивый топаз; я оживлю ее прикосновением руки и буду коротать время с канарейкой и вашим милым мопсиком. Но спешите изо всех сил! Как только закатится солнце, непреодолимое тление охватит мою бедную птичку и навеки разрушит ее гармоничный облик.

Старуха завернула мертвую птичку в свежие листики и положила в корзинку.

— Как бы то ни было, — сказала змея, продолжая прерванный разговор, — а храм сооружен.

— Но он еще не стоит у реки, — возразила красавица.

— Пока еще он покоится в недрах земли, — сказала змея. — Я видела королей и говорила с ними.

— Но когда же они восстанут? — спросила Лилия.

— Я слышала, как прозвучали в храме великие слова: «Урочный час близок!»

Лицо красавицы озарилось радостной улыбкой.

— Во второй раз за этот день слышу я сулящие счастье слова! Придет ли наконец тот день, когда я услышу их трижды?

Она встала, и тут же из-за кустов выступила, прелестная девушка и взяла у нее из рук арфу. Вслед за ней вышла другая, она унесла выточенный из слоновой кости складной стул, на котором сидела красавица, и серебряную подушку. Затем появилась еще одна, с большим шитым жемчугом зонтом, и остановилась в ожидании, — не нужен ли он будет Лилии, если та соизволит прогуляться. Все три девушки были полны очарования и на редкость красивы, и все же они не могли не признать, что Лилия затмевает их своей неопишуемой красотой.

Меж тем прекрасная Лилия с удовольствием глядела на удивительного мопса. Она наклонилась, коснулась его, и в то же мгновение мопс вскочил, бойко огляделся, побегал туда и сюда, затем бросился к своей благодетельнице и запрыгал вокруг нее. Она взяла его на руки и прижала к сердцу.

— Хоть ты и холоден, хоть ожил еще лишь наполовину, я рада тебе, — воскликнула она, — и обещаю весело с тобою играть, ласково гладить, крепко прижимать к сердцу и нежно любить тебя.

Сказав так, она выпустила его из своих объятий, прогнала, подозвала снова, затеяла веселую игру, радостно, словно дитя, резвясь с ним на лужайке, и те, кто глядел на нее, приходили в восторг и вместе с ней радовались ее милым забавам, так же как перед тем их сердца отзывались состраданием на ее горести.

Это веселье, эти милые затеи были прерваны появлением печального юноши. Облик его был все тот же, уже нам знакомый, но, казалось, его утомил полуденный зной, а теперь, глядя на любимую, он с каждой минутой все больше бледнел. На руке у него смирно, как голубь, сидел, опустив крылья, ястреб.

— Зачем ты принес сюда эту злую, ненавистную мне птицу, что убила сегодня мою певунью-канареечку? Нехорошо это с твоей стороны! — воскликнула Лилия.

— Не брани бедную птицу! — возразил он. — Обвиняй себя и судьбу и дозвожь мне не разлучаться с товарищем по несчастью.

Тем временем мопс не переставал ластиться к красавице, а она весело отвечала на заигрывания своего прозрачного любимца, отпугивала его, хлопая в ладоши, а потом бежала за ним, звала к себе, старалась поймать, когда он удирил, прогоняла, когда он к ней льнул. Юноша, все больше и больше досадуя, молча глядел на эти забавы. Но когда она взяла на руки безобразного мопса, на его взгляд препротивного, когда она прижала его к своей белоснежной груди и ее небесные уста коснулись поцелуем черной морды, юноша не выдержал и в отчаянии воскликнул:

— Ужели я обречен злой судьбой быть подле тебя и быть с тобой разлученным? Ужели я, из-за тебя потерявший все, Потерявший даже себя самого, обречен своими глазами видеть, что эта мерзкая образина радуется, привлекает тебя, наслаждается в твоих объятиях? Ужели я должен и впредь скитаться сюда и обратно и совершать все тот же печальный круг, переправляясь с одной стороны реки на другую? Довольно! В сердце моем еще тлеет искра былой отваги, пусть вспыхнет она в этот миг последним пламенем. Если камни могут покоиться у тебя на груди, пусть я стану камнем, если твое прикосновение несет смерть, я хочу умереть от твоей руки.

С этими словами он сделал резкое движение; ястреб слетел с его плеча, а он кинулся к красавице. А она, желая остановить его, протянула вперед руки, но тем скорее его коснулась. Он лишился сознания, и скованная ужасом Лилия ощутила у себя на груди милую ее сердцу тяжесть его тела. Она вскрикнула и отступила на шаг, а прелестный юноша мертвым упал из ее объятий на землю.

Несчастье свершилось! Нежная Лилия словно окаменела, остановившись взглядом смотрела она на бездыханное тело, казалось, сердце уже не бьется у нее в груди, в глазах не было слез. Напрасно ластился к ней мопс, прося ее ласки, вместе с другом сердца для нее умер весь мир. Застыв в немом отчаянии, она не искала помощи, зная, что помощи нет.

Тем проворнее зашевелилась змея, казалось, ее мысли заняты спасением юноши. И вправду, удивительными движениями своего гибкого тела ей удалось хоть на первое время задержать страшные последствия несчастья. Кольцом обвилась она вокруг мертвого юноши, захватила зубами конец своего хвоста и больше не двигалась.

Спустя немного пришла одна из красоток-прислужниц, принесла складной стул из слоновой кости и ласково усадила на него прекрасную Лилию; за ней вскоре появилась другая, с огненно-красным вуалем, и скорее украсила, чем покрыла им голову своей госпожи, третья подала ей арфу, и не успела Лилия взять арфу и извлечь из струн несколько звуков, как первая прислужница вернулась с светлым круглым зеркалом и, став перед прекрасной Лилией, поймала ее взгляд, и Лилия увидела в зеркале отражение дивного, небывалой красоты образа. Горе одухотворило ее красоту, вуаль придал ей еще больше очарования, арфа — прелести, и столь же сильно, как надежда, что печальная ее участь изменится, было у всех желание, чтобы образ ее сохранился таким, как сейчас.

Устремив тихий взгляд на зеркало, Лилия извлекла из струн мягкие мелодичные звуки, а когда скорбь ее возматала, струны громким ропотом отзывались на ее боль. Не раз открывала она уста и пыталась запеть, но голос изменял ей, и вскоре боль ее разрешилась слезами; две прислужницы пришли ей на помощь и поддержали ее, арфа упала с ее колен, и третья девушка едва успела подхватить и унести ее.

— Кто, пока солнце еще не закатилось, приведет к нам человека с лампадой? — тихо, но явственно прошипела змея.

Девушки переглянулись, а из глаз прекрасной Лилии слезы потекли еще обильнее. В эту минуту прибежала, с трудом переводя дух, запыхавшаяся старуха с корзиной.

— Я пропала, останусь калекой на всю жизнь! — крикнула она. — Вот, взгляните, — у меня уже почти нет руки! Ни перевозчик, ни великан не хотят переправить меня на ту сторону, — ведь я все еще не вернула свой долг реке, напрасно предлагала я сто кочанов капусты и сто луковок, они требуют только по три овощи, но каждого сорта, а артишоков в этих местах не найти.

— Забудьте о своей беде, — сказала змея, — постарайтесь помочь здешнему горю! Возможно, от этого будет помощь и вам. Не медлите, поспешите отыскать блуждающие огоньки! Еще не стемнело, их не увидеть, но, может, вы услышите, как они смеются, как перепархивают с места на место. Если вы не задержитесь, великан еще успеет переправить вас с ними через реку, — они помогут вам найти человека с лампадой, и вы пришлете его сюда.

Старуха побежала что было мочи, а змея, казалось, с тем же нетерпением, что и Лилия, ждала возвращения и ее и старика. Но — увы! — лучи заходящего солнца золотили уже только верхушки деревьев в лесу, длинные тени легли на озеро и лужайку, змея извивалась от нетерпения, а Лилия утопала в слезах.

В таком бедственном положении змея внимательно следила за всем; она боялась, что солнце зайдет, свет померкнет, тление прорвется сквозь магический круг и с неудержимой силой охватит юношу. Наконец она зрела в небе ястреба с пурпурно-красными в лучах заходящего солнца перьями на груди. Она вся затрепетала от радости, усмотрев в этом доброе предзнаменование, и она не обманулась: вскоре появился человек с лампадой, — будто на коньках, скользил он по озеру.

Змея не тронулась с места, не разомкнула кольца, а Лилия встала и воскликнула:

— Какой добрый гений привел тебя к нам в ту минуту, когда мы так жаждали видеть тебя, так в тебе нуждались?

— Гений моей лампы позвал меня, а ястреб привел сюда. Когда моя помощь нужна, лампада начинает вспыхивать и потрескивать, а я жду и гляжу на небо: птица или падучая звезда указуют мне ту страну света, куда мне направить свои стопы. Успокойся, красавица из красавиц! Помогу ли я, мне не ведомо... Один бессилён и не может помочь, но в единении со многими в урочный час — может. Будем ждать и надеяться! Не размыкай кольца! — садясь на бугорок подле змеи, приказал он и осветил мертвого юношу. — Принесите и милую канареечку и положите ее тоже в кольцо.

Прислужницы вынули из оставленной старухой корзины мертвую птичку и сделали, как повелел старик.

Меж тем солнце уже скрылось, и когда совсем стемнело, засветились не только змея и лампада, как это им полагалось, мягкий свет исходил теперь и от вуаля Лилии, скрашивая нежным, как утренняя заря, румянцем бледные ее ланиты и белое одеяние, что придавало ей особое очарование. Все молча созерцали друг друга; твердая надежда смягчала тревогу и печаль.

Вот почему не без удовольствия было встречено появление старухи в сопровождении обоих веселых огоньков, которые за это время, видимо, сильно поистратились: они опять отощали, но тем учтивее были они в обхождении с принцессой и остальными женщинами. С великой уверенностью и весьма выразительно изрекали они довольно обыденные истины, особенно восчувствовали они то очарование, что придавал светящийся вуаль красавице Лилии и ее прислужницам. Скромно опустили девицы глазки, и от восхваления их красоты еще похорошели. Все, кроме старухи, были спокойны и довольны. Хотя муж и уверял, что рука ее не уменьшится, куда ее освещает его лампада, она все же твердила, что, ежели так и дальше пойдет, рука — этот насыщенный и благородный орган ее тела — еще до полуночи исчезнет совсем.

Старик с лампадой внимательно прислушивался к разговору блуждающих огней и радовался, что их болтовня рассеяла печальные думы Лилии и приободрила ее. И верно — никто даже не заметил, что уже настала полночь.

Старик поглядел на звезды и тогда сказал так:

— В добрый час собралась мы все вместе; пусть каждый делает свое дело, и в общем счастье растворятся горести отдельных живых существ, так же как меркнут радости отдельных живых существ при общем несчастье.

После таких его слов поднялся удивительный шум, все говорили зараз, причем каждый громко заявлял, что будет делать. Молчали только три девушки: они заснули, одна у арфы, другая — у зонта, третья — у складного стула, но винить их за это нельзя, — час был уже поздний, а пылающие кавалеры, полубезничав мимоходом и с прислужницами, потом увивались уже только вокруг Лилии, которая всех затмевала своей красотой.

— Возьми зеркало, — сказал старик ястребу, — и, как только взойдет солнце, пробуди спящих дев, осветив их отраженным с небес сиянием лучей.

Теперь зашевелилась и змея, разомкнула кольцо и, медленно извиваясь, поползла к реке. Торжественно, полая как подлинное яркое пламя, шествовали за ней оба блуждающих огонька. Старик со старухой взяли светившуюся мягким, дотеле почти незаметным светом корзину, и каждый начал тянуть ее к себе, и корзина на глазах у всех становилась все больше и светилась все ярче. Они положили в нее тело юноши, а ему на грудь — мертвую канарейку; корзина поднялась в воздух и повисла, рея над головой старухи, а старуха пошла за блуждающими огоньками. Прекрасная Лилия взяла на руки мопса и последовала за старухой. Старец с лампадой замыкал шествие; все вокруг озаряли своим дивным сиянием эти столь разные светильни.

Но каково было общее изумление, когда, дойдя до реки, они увидели, что с одного берега на другой перекинулась великолепная арка, — это благодетельница змея уготовила им сияющий огнями путь. Если днем они любовались прозрачными самоцветами, из которых, казалось, сооружен мост, то теперь во тьме ночи они дивились на его блеск и великолепие. Сверху светлая арка резко выделялась на темном небе, а снизу к ее середине, сверкая, сбегались переливчатые лучи, из чего было ясно, что при всей своей подвижности мост устойчив. Медленно перешло все шествие на ту сторону, а перевозчик, стоя в дверях своей хижины, издали с изумлением смотрел на лучезарную арку и удивительные огни, что двигались по ней.

Как только ступили путники на берег, арка заколыхалась, волнистыми движениями приближаясь к воде, и немного погодя змея уже плыла к берегу. Корзина опустилась на землю, и змея снова кольцом обвилась вокруг тела юноши. Старик наклонился к ней и спросил:

— Что ты решила?

— Сама принести себя в жертву раньше, чем буду принесена в жертву другими, — ответила змея. — Обещай не оставить на суше ни единого моего камня.

Старик обещал. Затем он обратился к прекрасной Лилии:

— Коснись левой рукой змеи, а правой любимого тобой юноши!

Лилия опустилась на колени и коснулась змеи и мертвого тела. И в то же мгновение бездыханное тело начало оживать, мертвый зашевелился, приподнялся, сел. Лилия хотела его обнять, но старик отстранил ее, он сам поддержал юношу, когда тот встал, и помог ему переступить через край корзины и кольцо, образованное змеей.

Юноша стоял, канарейка на его плече махала крылышками, — материя ожила, но дух еще не вернулся: глаза юноши были открыты, но, казалось, он ничего не видит, взор его был безучастен. Как только немного улеглось изумление, всех привлекла странная перемена в облике змеи. Ее красивое тело распалось на тысячи сверкающих камней: старуха, потянувшись за корзиной, нечаянно задела змею, и от той ничего не осталось — только великолепное кольцо из самоцветных камней сияло на траве.

Старик тут же принялся собирать камни в корзину, и жена ему помогала. Потом они взобрались на возвышенное место у самой реки, и он вытряхнул все, что было в корзине, в воду, к немалому неудовольствию красавицы Лилии и жены, которые охотно выбрали бы себе что-нибудь из этого богатства. Словно звезды мерцали, плывя на волнах, сияющие камни, и трудно было сказать, исчезли они вдали или пошли ко дну.

— Милостивые государи, — почтительно обратился старик к блуждающим огням, — теперь я выведу вас на дорогу, а затем открою вам проход, вы же окажете нам величайшую услугу, ежели откроете врата, через которые нам ныне надлежит вступить в святилище, ибо, кроме вас, отомкнуть их никто не может.

Блуждающие огни учтиво поклонились и пропустили старика с лампадой вперед. Он первым вошел в разверзшуюся перед ним скалу; юноша следовал за ним, по-прежнему, как во сне, переставляя ноги; Лилия, тихая и нерешительная, держалась в некотором отдалении; старуха не хотела отставать и вытянула руку так, чтобы свет лампы мужа падал на нее. Теперь шествие замыкали блуждающие огни, они склонились друг к другу верхушками ярко горящих языков и, казалось, о чем-то шептались.

Прошло немного времени, и старик остановился перед огромными медными вратами, запертыми на золотой замок. Он подозвал блуждающие огни, а те не заставили себя долго просить и тут же с деловитым видом принялись пожирать своими острыми огненными языками замок и засовы.

С гулким звоном распахнулись врата святилища, и взорам явились гордые статуи королей, осиянные светом, внесенным пришедшими. Все почтительно склонилось перед достойными властителями, особенно изысканно изгибались в поклонах блуждающие огни.

После некоторого молчания золотой король спросил:

— Откуда вы пришли?

— Из мира, — отвечивал старик.

— Куда вы идете? — спросил серебряный король.

— В мир, — сказал старец.

— Зачем вы здесь? — спросил медный король.

— Чтобы сопровождать вас, — отвечал старец.

Король из сплава собрался было заговорить, но тут золотой король сказал, обращаясь к блуждающим огням, слишком близко подступившим к нему:

— Уйдите прочь! Мое золото не для вас.

Тогда они подошли к серебряному королю и начали к нему льнуть, от их пламени его одеяние красиво светилось желтоватым отблеском.

— Я рад видеть вас, — сказал он, — но напитать не могу, насыщайтесь на стороне, а мне приносите ваш свет.

Они отошли и прошмыгнули мимо медного короля, который их как будто и не заметил, к тому королю, что был из сплава.

— Кто будет властвовать миром? — крикнул он прерывистым голосом.

— Тот, кто стоит на своих ногах, — отвечал старец.

— Это я, — сказал король из сплава.

— Скоро это откроется, — отвечал старец, — ибо урочный час близок!

Красавица Лилия обняла старика и от всего сердца поцеловала его.

— Праведный старец, — сказала она, — благодарность моя безгранична, ибо в третий раз слышу я эти знаменательные слова.

Молвив так, она вдруг ещё крепче прижалась к старику; земля у них под ногами заколебалась, старуха и юноша тоже держались друг за друга, только непоседливые огоньки ничего не заметили.

Храм двигался, — это ясно ощущалось, — двигался, чуть покачиваясь, как корабль, медленно покидающий гавань, когда якорь поднят. Казалось, на его пути расступаются недра земли; он ни на что не наткнулся, ни одна скала не преградила ему дорогу.

Несколько мгновений казалось, будто через отверстие купола в храм тонкими струйками льется дождик. Старец крепче обнял красавицу Лилию и сказал:

— Над нами река, мы скоро будем у цели.

Спустя немного им показалось, будто движения больше нет, но они обманулись, храм подымался вверх. Вдруг у них над головой раздался невероятный грохот. Над ними, беспорядочно теснясь, прорывались в отверстие купола доски и балки. Лилия и старуха отпрянули в сторону; старец с лампадой схватил юношу, и они остались на месте. Лачуга перевозчика, — это ее, подымаясь вверх, оторвал от земли и поглотил храм, — медленно падая, накрыла юношу и старца.

Женщины подняли крик, а храм содрогнулся, словно корабль, неожиданно наскочивший на сушу. Испуганные, бродили они впотьмах вокруг лачуги; дверь была заперта, на их стук никто не отзывался, они принялись стучать настойчивей, и сколь же велико было их изумление, когда под конец дерево зазвенело. Хижина изнутри и снаружи силой лампы, в ней заключенной, была превращена в серебряную. Вскоре изменился и весь ее облик: благородный металл отказался от плохо подогнанных одна к другой досок, подпорок, балок и расширился в великолепное здание чеканной работы. Внутри большого храма стоял теперь не менее великолепный маленький, своего рода достойный его алтарь.

Благородный юноша поднялся по внутренней лестнице. Старец с лампадой освещал ему путь, их сопровождал старик в белой короткой одежде, с серебряным веслом в руке, — в нем все сразу признали перевозчика, прежнего обитателя преображенной лачуги.

Прекрасная Лилия поднялась по ступеням наружной лестницы, которая вела из храма в алтарь, но и сейчас еще ей, надлежало держаться в отдалении от милого ее сердцу юноши. Старуха, рука которой за то время, что лампада была сокрыта, еще уменьшилась, воскликнула:

— Неужто мне суждено на всю жизнь остаться несчастной? Неужто среди стольких чудес не сыщется ни одного для спасения моей руки?

Муж указал ей на отворенные врата храма.

— Смотри, уже светает, поспеши искупаться в реке! — сказал он.

— Ну и совет! — крикнула она. — Этак я вся целиком почернею и исчезну: долга-то я еще не выплатила!

— Ступай, — сказал старик, — и слушай меня: все долги уже выплачены.

Старуха быстро убежала, и в то же мгновение восходящее солнце осветило купол, венчающий храм. Старец стал между юношей и девицей и возгласил:

— Три начала властвуют миром: мудрость, свет и сила.

При первом слове встал золотой король, при втором — серебряный, при третьем медленно поднялся медный, и тут же король из сплава неуклюже опустился на сиденье. Невзирая на торжественность минуты, тот, кто его видел, еле сдерживался от смеха: король не сидел, и не лежал, и ни к чему не прислонялся, — он весь осел какой-то бесформенной массой.

Блуждающие огни, до тех пор трудившиеся около него, отошли в сторону; при свете утренней зари они, правда, побледнели, но выглядели упитанными и горели неплохо. Очень ловко вылизали они острыми своими языками золотые прожилки колоссальной статуи. Возникшие таким образом беспорядочно распределенные пустые прожилки сохранялись, хотя и открытые, и статуя держалась на ногах. Но под конец были выедены все жилочки до самой тоненькой, и статуя сразу рухнула, на беду сломавшись как раз в тех местах, которым, когда человек садится, положено сохраняться в целости, а вот те суставы, которым надлежит сгибаться, не согнулись. И, глядя на эту освещую массу, не то статую, не то бесформенный ком, тот, у кого она не вызывала смеха, невольно отворачивался, — уж очень неприглядное это было зрелище.

Старец с лампадой повел все еще безучастно устремившего взор в пространство красавца юношу вниз, прямо к медному королю. У ног могучего властителя лежал меч в медных ножнах. Юноша опоясался мечом.

— Меч у левой руки, правая рука свободна! — возгласил мощный король.

Затем они подошли к серебряному королю, тот протянул юноше своей скипетр. Юноша взял его в левую руку, и король ласково сказал:

— Паси овец своих!

Тогда они подошли к золотому королю; тот, словно отечески благословляя, возложил на голову юноше венок из дубовых листьев и сказал:

— Познай высшее!

Пока они обходили королей, старик внимательно следил за юношей. Когда тот опоясался мечом, грудь у него расширилась, руки стали увереннее двигаться, ноги — тверже ступать; когда он взял в руку скипетр, сила его, казалось, смягчилась, но в то же время и возросла, так несказанно хорош стал он лицом, а когда его кудри украсил венок из дубовых листьев, лицо его ожило, глаза озарились духовным светом и первое слово, слетевшее с его уст, было Лилия.

— Лилия, любимая моя! — воскликнул он, спеша к ней навстречу по серебряной лестнице, — она со стен алтаря следила за ним, пока он совершал свой обход, — Лилия, любимая моя! Что может быть самым ценным даром для человека, которому даровано все, как не та чистая и нежная любовь, что мне сулит твое сердце!

— О друг мой! — сказал он, обращаясь к старцу и глядя на священные статуи трех королей, — чудесно и прочно царство наших отцов, но ты забыл четвертую силу, извечную, всеобщую, владеющую всем миром — силу любви.

С этими словами он заключил в объятия красавицу деву, она откинула вуаль, и ланиты ее зарделись прелестным неувядаемым румянцем.

В ответ на это старик, улыбнувшись, сказал:

— Любовь не властвует, она созидает, а это важней.

Увлеченные торжественностью минуты, счастьем, восторгом, они не заметили, как наступил день, и теперь в распахнутые ворота их взорам открылась совершенно неожиданная картина. Широкую, окруженную колоннами площадь, своего рода парадный двор, завершал длинный великолепный мост, перекинувшийся через реку; по обе его стороны шли роскошные колоннады, удобные для пешеходов, которые уже теснились на них, спеша с одного берега на другой. По широкой дороге посреди моста гнали стада, шли мулы, ехали всадники и экипажи, два оживленных потока двигались каждый в свою сторону, не мешая один другому; казалось, все на мосту дивятся на его удобство и великолепие; а молодой король с супругой были столь же воодушевлены движением и жизнью народа, сколь счастливы своей взаимной любовью.

— Храни добрую память о змее! — сказал старец с лампадой. — Ты обязан ей жизнью, подвластный тебе народ — мостом, он соединил эти близкие меж собой, но пустынные берега и сделал их обитаемыми. Те самоцветные камни, что светились, плывя на волнах, останки тела, принесенного ею в жертву, они превратились в устои этого величественного моста. На них воздвигся мост, и на них он будет крепко стоять.

Всем не терпелось, чтобы старик поскорее открыл им эту чудесную тайну, но тут во врата храма вошли четыре красотки девушки. По арфе, зонту и складному стулу все сразу узнали прислужниц Лилии, а четвертая, самая красивая, но никому не знакомая, весело, как подруга, шутя и болтая, прошла с ними храмом и поднялась по серебряным ступеням алтаря.

— Ну, как, будешь мне впредь больше верить, дорогая жена? — обратился к красотке старик с лампадой. — Счастлива ты, счастлива всякая тварь земная, что искупалась нынешним утром в реке.

Былой облик старухи исчез бесследно, молодая красавица с юным пылом обнимала человека с лампадой, а он благосклонно принимал ее ласки.

— Если я слишком стар для тебя, можешь сегодня избрать себе другого супруга: с нынешнего утра действителен только заново заключенный брак.

— А ты разве не знаешь, что ты тоже помолодел? — возразила она.

— Мне отраднo, что в твоих молодых глазах я юноша, полный сил. Вновь прошу я твоей руки, и мы с радостью проживем вместе и грядущее тысячелетие.

Королева ласково приветствовала новую подругу и вместо с ней и остальными тремя девушками сошла со стен алтаря, а король не спускал глаз с моста и внимательно вглядывался в движение теснившейся там толпы.

Радужное его настроение длилось недолго: к своей досаде, правда, тоже недолгой, он увидел, что по мосту, пошатываясь на ходу, бредет как будто еще не совсем очнувшийся после утреннего сна великан и вносит смятение в толпу. Как обычно, еще полусонный, шел он искупаться в знакомой бухте, но на ее месте почувствовал у себя под ногами твердую почву и топтался теперь по настилу широкого моста. Весь народ с удивлением глядел на него, однако никто не ощущал толчков от той неуклюжести, с которой он, нетвердо ступая, раздвигал и людей и скот. Но когда солнце стало светить ему в лицо и он поднял руку, чтобы протереть глаза, тень позади него стала молотить по толпе огромными кулачищами, не разбирая куда, нанося увечья, валя с ног людей и животных, грозя сбросить их в реку.

Король, увидя это бесчинство, невольно схватился за меч, но одумался и спокойно посмотрел сперва на свой скипетр, затем на лампаду и весло своих спутников.

— Я угадываю твои мысли, — сказал человек с лампадой, — но мы при всей нашей силе беспомощны против этого беспомощного исполина. Успокойся! В последний раз наносит он вред, и, к счастью, тень его падает не в нашу сторону.

Меж тем великан подошел ближе; узрев то, что было у него перед глазами, он разинул от изумления рот, опустил руки и, уже никому не причиняя вреда, вошел на площадь перед храмом.

Он двинулся прямо к воротам храма, но вдруг остановился посреди площади, словно прирос к земле, и теперь высился там огромным, могучим монументом из отливающего красноватым камня, а тень его указывала часы, отмеченные по кругу у его ног, но отмеченные не цифрами, а прекрасно выполненными сакральными изображениями.

Немало обрадован был король, когда увидел, что тень великана нашла полезное применение, немало удивлена была королева, когда в великолепном одеянии вышла в сопровождении своих прислужниц из алтаря и, поднявшись на его стены, увидела поразительную статую, почти прикрывшую вид из храма на мост.

А меж тем народ повалил вслед за великаном и, видя, что тот недвижим, теснился вокруг него, дивясь неожиданному превращению. Потом толпа отхлынула к храму, словно только сейчас увидя его, и теперь теснилась уже у его врат.

В эту минуту ястреб с зеркалом взмыл высоко над храмом и навел отразившийся в зеркале солнечный луч на стоявших на стене алтаря. Король, королева и те, кто их окружали, предстали под сумрачными сводами храма озаренные небесным сиянием, и народ пал ниц перед ними. Когда изумленная толпа опомнилась и поднялась на ноги, король и его приближенные спустились в алтарь, чтобы потайной галереей пройти во дворец, а народ, любопытствуя, разбрелся по храму. В благоговейном изумлении созерцали вошедшие трех королей, стоящих в нишах, но особенно донимало всех желание узнать, что за бесформенный ком сокрыт под ковром в четвертой нише, ибо кто-то, доброжелательный и скромный, покрыл поверженного в прах четвертого короля роскошным ковром, и ничей взгляд не мог чрез него проникнуть, ничья дерзновенная рука не решалась его приподнять.

Народ не перестал бы любоваться изумительной красотой храма, и от все возрастающей толпы могла бы возникнуть давка, но тут общее внимание было отвлечено тем, что происходило на площади.

Нежданно-негаданно на мраморные плиты, словно с неба, звеня, посыпались червонцы. Те, что стояли поближе, кинулись их подбирать; чудо это повторялось в разных местах. Нетрудно догадаться, что это блуждающие огни захотели на прощанье повеселиться и забавы ради растрясти золото из жилок рухнувшего короля. Жадная до денег толпа кидалась то туда, то сюда, люди теснились, давили друг друга дрались даже тогда, когда сверху уже не сыпалось никаких золотых монет. Постепенно толпа растаяла, каждый пошел своей дорогой, но и по сей день еще кишит людьми мост, и во всем мире не сыскать другого столь посещаемого храма.

Примечания

1 Перевод стихов Н. Вольпин.